

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ АН СССР

СУФИЗМ
в контексте
мусульманской
культуры

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

ББК 87.3+87.8
С 90

Редакционная коллегия:

О. Ф. АКИМУШКИН, В. И. БРАГИНСКИЙ,
Т. А. ДЕНИСОВА (секретарь редколлегии), **Ш. М. ШУКУРОВ.**

Ответственный редактор
и автор Введения

Н. И. ПРИГАРИНА

Рецензенты:

А. Б. КУДЕЛИН, А. А. СУВОРОВА

Редактор издательства

А. А. КОЖУХОВСКАЯ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
АН СССР

Суфизм в контексте мусульманской культуры.—
С 90 М.: Наука. Главная редакция восточной литерату-
ры, 1989.— 341 с.
ISBN 5-02-016695-2

В книге освещается воздействие суфийского учения и практики на формирование основных культурологических моделей мусульманского мира. На обширном материале показано влияние суфизма на различные области духовной и художественной деятельности мусульман: философию, литературу, искусство, музыку. Впервые публикуются переводы на русский язык некоторых философско-доктринальных суфийских текстов, вводится в научный оборот новый оригинальный материал.

С 0301030000-099
013(02)-89 **КБ-46-1-88**

ББК 87.3+87.8*

ISBN 5-02-016695-2

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989*

О. Б. Фролова

НЕИЗВЕСТНЫЕ РУКОПИСНЫЕ ТРАКТАТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИБН 'АРАБИ И ЕГО ФИЛОСОФИИ

Произведения арабо-испанского мыслителя-мистика и поэта Ибн 'Араби (1165—1240) оказали существенное влияние на философию, культуру, идеологию не только Востока, но и Запада. В статье «Данте и ислам» итальянский ученый Франческо Габриэли писал: «Сочинение Ибн 'Араби на самом деле обнаруживает удивительное сходство с дантовским видением и в своих основных посылах, и в описаниях, и в тонкости изображения загробного мира...» [1, с. 204]. Если относительно влияния Ибн 'Араби на Данте все еще нет твердого мнения, то воздействие арабского мыслителя на каталонского поэта и философа Раймунда Люллия (1235—1315) безусловно и подтверждается заявлением самого каталонца о том, что свою книгу «El Amigo y el Amado» («Друг и возлюбленный») он написал в подражание мусульманским мистикам [5, с. 311]. Огромна роль идей Ибн 'Араби в становлении и развитии общественной мысли Османской империи. Советский исследователь Н. А. Иванов писал, что «если в Каире его сочинения сжигались или смывались водой, то в Стамбуле и Конье благоговейно хранились и переписывались» [2, с. 24—25].

Оценивая наследие Ибн 'Араби, Б. Я. Шидфар пишет: «Сложное противоречивое творчество литераторов-философов Ибн Туфейля и Ибн аль-Араби дает представление об уровне развития философской мысли в Андалусии и о гражданской смелости людей, рисквавших обращаться к опасным для того времени проблемам. Это обращение нередко расценивалось как открытый вызов фанатичному и влиятельному духовенству» [7, с. 168].

Аллегоричность изложения суфийских идей, мистическое толкование Корана, идущее вразрез с ортодоксальными религиозными представлениями, определяли зачастую резко отрицательное отношение к учению Ибн 'Араби. Однако у него было и множество сторонников, которые его идеи принимали с энтузиазмом. Противоречивые оценки творчества Ибн 'Араби дошли до нашего времени: в ряде арабских стран (например, в Египте) его труды и сейчас находятся под запретом, до сих пор есть у него и горячие приверженцы.

Об оживленной полемике, которая велась на Востоке в начале XVIII в. вокруг учения Ибн 'Араби, свидетельствуют уникальные рукописные трактаты, включенные в сборник, хранящийся сейчас в Восточном отделе Библиотеки им. М. Горького при Ленинградском университете (шифр 685).

Прежде всего о рукописи в целом. Она относится к первой половине XVIII в., представляет собой автограф составителя и написана, очевидно, в Египте; попала она в ленинградскую библиотеку из коллекции ат-Тантави. Объем рукописи — 243 л.; размер страницы — 21×15,5 см, текста — 15,5×9,5 см; на странице 21—22 строки, кустоды. Бумага восточная, лощеная, переплет картонный, по краям обклеен кожей, клапан с дефектом. Почерк — четкий насх; текст писан черной тушью и заключен в рамку из красных линий; заглавия трактатов (там, где они есть), разбивка текста на разделы и некоторые его части выделены кинovarью. Пагинация частична и случайна. Трактаты обозначены латинскими буквами, — по-видимому, во время работы над ней К. Залемана и В. Р. Розена. Всего в рукописи 25 трактатов.

Составителем сборника и автором ряда трактатов, вероятно, является приверженец учения Ибн 'Араби. Данные рукописи позволяют предположить, что жил он в первой половине XVIII в. в Египте, родом был из Фустата, или Старого Каира, что в районе акведука, идущего от Нила до каирской цитадели. Учился в знаменитом мусульманском университете Ал-Азхар и потом не порывал связи с ним. Его полное имя — Мухаммад Бадр ад-дин сибт Мухаммад Шамс ад-дин аш-Шурунбабили. Все трактаты сборника посвящены вопросам суфизма, а некоторые непосредственно связаны с именем Ибн 'Араби. Например, трактат «Святое послание относительно тайн сенсуального пункта» приписывается Ибн 'Араби, однако в каталоге его сочинений таковое не значится [10, т. 1, с. 332]. В заключении этого трактата сказано: «Написал его своей рукой бедный раб Мухаммад Бадр ад-дин...» (л. 116б), т. е. прямо указано, что его автором является составитель всей рукописи. В трактате изложены основные идеи Ибн 'Араби, в частности его учение о символике и магии букв, когда буквы, имеющие точку, означают основные сущности и истины богословия, потому что точка (сенсуальный пункт), по представлению автора трактата, является одной из орбит, по которой вращаются «тонкости» науки о единобожии, единобытии (л. 104а).

В этом трактате, написанном высоким стилем, зачастую рифмованной прозой, затрагиваются вопросы о правилах единения — *'илм ат-таухид* (л. 103б), проблемы спекулятивного богословия — *'илм ал-калам ан-назари* (л. 103б), ставятся задачи гносеологического характера. Автор пишет, например: «О том, у чего нет противоположного и чему нет подобного, можно строить умозаключения только при [особом] к нему внимании и [специальной] подготовке к его [познанию]. Это можно постиг-

нуть только при помощи правильного пути [в размышлении] и [тщательного] ознакомления» (л. 104б).

Автор говорит о теофании (*ат-гаджаллийат ал-илахийя*, л. 104а), о путях постижения истины (*хака'ик ал-висал*, л. 104б).

Много внимания уделяется различным аспектам мистического союза: «Указание на универсальность силы божественной души содержится в реальностях отдельных существ, в особенностях выявления [ими] возможного и в их превращении в глаз Абсолюта при исчезновении их в его сущности и сокрытии их за его особенностями» (л. 105а). В этих словах заключено представление о таком единении человека и Бога, при котором Бог созерцает мир глазами человека или мир созерцает себя его глазами [4, с. 10].

В «Святом послании» говорится также о семи сущностных характеристиках божества или мира, которыми являются жизнь, знание, воля, мощь, слух, зрение, речь, и о семи противоположных качествах человека, как-то: смертность, незнание, отсутствие воли (безволие), слабость, глухота, слепота, немота (л. 112а). Символически эти характеристики связываются с буквами, отмеченными или не отмеченными диакритическими точками.

Развитием тематики этого сочинения являются трактаты сборника К и К₁, в которых Мухаммад аш-Шурунбабили касается вопросов символики и магии букв и чисел, привлекавших пристальное внимание Ибн 'Араби.

Трактат Е, по-видимому, также принадлежит перу самого Мухаммада аш-Шурунбабили. Его название — «Снятие душевного сомнения относительно познания человеческого образа». На его полях отмечено, что автор трактата — сам Ибн 'Араби; следовательно, Мухаммад аш-Шурунбабили считается простым переписчиком, поставившим свое имя под трактатом и только претендующим на авторство. Подобная ошибка вполне естественна, так как в этом сочинении говорится о человеке, его облике, разуме, духовности, достижении им того состояния, которое Ибн 'Араби назвал «совершенный человек», т. е. о вопросах, волновавших Ибн 'Араби.

Автор трактата указывает, что люди на пути к познанию абсолютной истины (божества, мира, природы) могут быть разделены на несколько групп в зависимости от того, как велика сила света, озаряющего их путь к познанию: на обладателей солнца, полной луны, полумесяца, звезды или светильника (л. 65а). Человек, приобщившийся к Высшему смыслу (*ал-инсан ал-ма'нави*), по выражению автора, «объединяет в себе привлекательные черты мира» (л. 65б).

В трактате содержатся и нравоучительные сентенции, заимствованные из Корана (например: «...человеку лишь то, в чем он усердствовал» — 53:40), и хадисы: «Кто познает самого себя, познает своего Господа», «У человека [будет] в потусто-

ронней жизни могущество в меру того, что он познал из могущества своей души в этой жизни» (л. 66б, 67а), а также высказывания суфийских авторитетов, например: «Если стремящемуся [к знанию] невыносимо повиноваться тому, кто его обучает, то ему трудно получить желаемое» (л. 67б—68а).

Перу Мухаммада аш-Шурунбабили принадлежит также трактат «Знаменательное хвалебное слово относительно разъяснения единства бытия», где дается изложение учения Ибн 'Араби о единосбытии (единстве/единственности бытия, существования) — *вахдат ал-вуджуд*. В начале трактата автор говорит, что его попросили поведать людям учение о единосбытии и что все изложенное им является ответом на эту просьбу. Затем он пишет: «Знай, что бытие (существование) — это высочайшая сущность, определяемая святыми атрибутами... То, что помимо бытия, это чистое ничто, а сущность не может быть ничем» (л. 234а). И далее: «Смысл единосбытия — это единство/единственность того, в чем всякое существующее существует, а это Аллах всевышний. Всякий, кто говорит, что бытие — это то же, что существующий/сущий, может только сказать, что это и есть единосбытие, так как эти слова означают единственность Аллаха» (л. 234а—234б).

Мухаммад аш-Шурунбабили является автором еще одного трактата рассматриваемого сборника. Это «Послание относительно откровения Мухйи ад-дина ибн 'Араби». Он также касается учения арабского мыслителя, но в основном передает различные суждения о нем, легенды из его жизни.

По поводу споров об Ибн 'Араби автор пишет: «Я читал преученнейшего Са'д ад-дина (на полях в приписке указано, что это ат-Тафтазани) послание, в котором он написал много и чрезвычайным образом умалил достоинства книги „Геммы премудрости“ Величайшего шайха Мухйи ад-дина ибн 'Араби. Он говорит относительно этой книги и ее автора в такой манере, которая может удовлетворить только глупца, хотя владыка Са'д ад-дин принадлежит к людям, чей ранг отрицать нельзя и до высот которых трудно подняться» (л. 240б). Мухаммад ал-Шурунбабили защищает своего учителя Ибн 'Араби от критики и, невзирая на известность Са'д ад-дина ат-Тафтазани, прославленного среднеазиатского богослова XIV в., пишет, что его аргументация может быть принята только невежественным человеком. Добавим, что на полях сделано замечание: слава Аллаху, критика эта, как выясняется, принадлежит не самому ат-Тафтазани, а только его ученику.

В арабских сочинениях содержатся разнообразные легенды о суфийских шейхах, руководителях братств, о так называемых божественных полюсах (*кутб*) Аллаха. Постоянные обряды *зикра*, молитвы, сосредоточенность мыслей на вопросах религии приводили к тому, что этим святым людям являлись видения, о подобных которым и рассказывается в данном трактате. В этом сочинении Ибн 'Араби именуется «величайшим страдальцем

(*мубтала*)» (это выражение понимается также как «пораженный [душевной] болезнью», «душевнобольной»). Если Мухаммад аш-Шурунбабили был не согласен с первым положением критика, то второе не только принимает, но в дополнение приводит легенду о том, что знаменитый Абд ал-Ваххаб аш-Ша'рани, суфий XVI в., известный своим визионерством, увидел во сне Адама, праотца людей, и стоящего перед ним Ибн 'Араби. Адам и сообщил Абд ал-Ваххабу, что Ибн 'Араби душевнобольной (л. 240б).

Вообще существует множество рассказов о болезненном состоянии духа Ибн 'Араби. Так, испанский ученый А.-Г. Паленсиа в своей монографии «История арабо-испанской литературы» [9, с. 371—386] приводит со ссылками на источники подобные рассказы. Суть их такова.

В юности Ибн 'Араби много читал, увлекался охотой, и, казалось, ничто в нем не предвещало будущего великого мистика. Его жизнь круто изменилась после женитьбы на Мар'ям, дочери Мухаммада. Набожность жены обратила его мысли к благочестию. Тяжелые события в жизни Ибн 'Араби — болезнь, во время которой ему постоянно снились ад и адские мучения, а затем смерть отца, который сам предсказал день своей кончины, — привели его в мистическое состояние духа, возбудили интерес к суфийским знаниям. У него начались видения — ему являлся пророк Хидр, сочетавший в себе черты христианского пророка Ильи и святого Георгия. В течение двух лет он был муридом суфийской проповедницы Фатимы из Кордовы, наблюдал за творимыми ею «чудесами». Затем Ибн 'Араби избирает путь постоянных странствий. Он переезжает из одной страны в другую, из одного города в другой. Видения не оставляют его. Так, в одну из ночей он видит, что сочетался мистическим браком со всеми звездами неба и не осталось ни одной, с которой бы он не совокупился [9, с. 373]. Это было как бы аллегорическим предсказанием того, что Ибн 'Араби станет звездой в теории суфизма. Менее вероятно другое толкование этого видения — в духе пренебрежительного отношения к общепринятым святыням.

Религиозные занятия и литературная деятельность не мешали Ибн 'Араби интересоваться и политическими проблемами. В частности, он написал послание под названием «Божественная политика», которое было направлено предводителю турок-османов и в котором содержались резкие выпады против христиан, выражалась ненависть к ним. В нем же предсказывается победа турок [9, с. 375]. Кстати, среди рассказов трактата «Послание относительно откровения Мухйи ад-дина ибн 'Араби» есть легенда о встрече Ибн 'Араби с основателем династии Османов, которому он предсказал, что тот станет султаном (л. 243а).

Аллегорически излагая основную идею Ибн 'Араби — *вахдат ал-вуджуд*, автор этого трактата приводит следующую ле-

генду: «Передают, что два ангела спросили его (Ибн 'Араби) о людях, и он ответил: Мы пришли из Мы, и Мы отделились от Мы, и сейчас Мы — это Мы. Посмотрели ангелы друг на друга, не понимая его слов. И вот со стороны — глас Всевышнего: это мой раб, слова которого и в этом мире, и в жизни будущей непознаваемы» (л. 243а).

Под «Мы» Ибн 'Араби, как и Коран, надо думать, подразумевал Бога, Аллаха. Следовательно, данное высказывание означает, что люди — это эманация божественной сущности в их индивидуальном существовании, вместе с тем их истинное бытие — это Бог. В суфийских сочинениях рассуждения, подобные приведенному выше, встречаются нередко, но требуют истолкования. В специальных словарях суфийских терминов даются, например, такие пояснения: «Я — это Ты», «Ты — это Я» [8, с. 25].

Принимая во внимание, что в Египте Ибн 'Араби подвергался гонениям, его последователь о многих вещах говорит эзоповским языком. В частности, он приводит и такую легенду: «Вот еще случай — с иудеем, который прислуживал ему (Ибн 'Араби), а я полагаю, был с ним в интимных отношениях, и излил на него неисчислимые и почти непостижимые знания и секреты, которые приводят в волнение цивилизованных людей. И подобные [рассказы] свидетельствуют о том, что он (Ибн 'Араби) был из избранных богомольных владык, пылью под ногами которых нас рассеял Аллах...» (л. 243а).

Возможно, здесь также в иносказательной, пусть несколько грубой форме выражена связь идей Ибн 'Араби с учением иудейской религии, в частности с каббалистикой. Говоря об источниках суфизма, в теорию которого Ибн 'Араби внес огромный вклад, исследователи помимо чисто исламских корней называют зороастризм, восточнохристианский аскетизм, неоплатонизм, индуизм и буддизм, однако на каббалистику как на один из источников суфизма прямых указаний нет, хотя черты их сходства ранее и отмечались И. П. Петрушевским [6, с. 310—316].

Автор трактата передает легенды о творимых Ибн 'Араби чудесах, в частности о воскрешении мертвецов. Легенд о чудесных исцелениях людей суфийскими святыми в суфийской литературе множество. В данном трактате, как представляется, легенды о воскрешении мертвецов также имеют иносказательный смысл: речь идет о духовном возрождении людей под влиянием идей Ибн 'Араби, обращении их к отказу от общепринятых религиозных догм.

Суфийские проповедники, как известно, выражали свои мысли особым, символическим, обычно непонятным или малопонятным другим языком, прибегая к аллегориям, иносказаниям, завуалированному выражению мыслей. Автор рассматриваемого трактата сетует, что «обычай людей, тварей Аллаха, таков, что у всякой их группы свой путь; и если кому-нибудь что-либо

недоступно, то он порицает это и считает его неправильным. Полагают, что существует семь кругов, представители каждого из которых бранят стоящих выше их, и получается, что все осуждают стоящих выше. Это распространяется даже на [божественный] полюс [Ибн 'Араби]. Если бы два имама веры познакомились с секретами его [учения], то сочли бы его безбожником, вынесли бы решение его убить и заявили бы, что он не верует в Аллаха и Судный день. Но ведь если бы кто-то чужой познакомился с трудами тех имамов, то также [осудил бы их]» (л. 241а). В такой смягченной форме автор трактата говорит о полемике богословов относительно учения Ибн 'Араби.

Суфийские авторы и проповедники, главы суфийских братств, понимая силу и власть слова над человеком, вырабатывают свои формы и методы речевого воздействия и убеждения слушателей, чтобы покорять их души своими идеями. Они используют такие факторы, как интерес человека к таинственному, стремление постигнуть непонятное, доверие к шейху, божественному полюсу — лицу, престиж которого освящается свыше. С целью эмоционального воздействия на психику человека они прибегают к особым речевым приемам убеждения. Например, многократно встречаются повторения одной мысли в разных речевых формах, синтаксические перестановки слов во фразе, сокращения и добавления отдельных слов, используются яркие сравнения, метафоры, эпитеты, привлекаются риторические обороты, рифмованная проза.

Рассмотрим следующий отрывок из уже упоминавшегося трактата «Снятие душевного сомнения...» (л. 66а): «Знай — да наставит тебя Аллах! — что вот когда и является человек [таким, что] первая [его] реальность по действию [заключена] в знании, а название этого — интеллект (разум), вторая реальность — по взаимодействию в теле, а это рациональное (разумное), третья реальность — по познанию в силе воздействия (эффективности) и доказательстве (аргументации), а название этого — разумный, и это — разум, разумный и разумное, то необходимо отличать его от Аллаха Всевышнего по выступлению от имени [Аллаха] для разъяснения остальным тварям, по свидетельствованию о Нем во всех проявлениях и указанию на Него во всех явлениях».

В начале отрывка употреблена форма повелительного наклонения «знай» и вслед за ней — пожелание «да наставит тебя Аллах!» на путь истинный, усиливающее приказ. После союза «что» присутствует так называемое местоимение рассказа (в переводе частица «вот»), относящееся ко всему приведенному ниже высказыванию. В следующем затем пассаже используются параллелизм в построении с однокоренными словами, сокращение, где опущены слова «таким, что», притяжательное местоимение «его» и глагол «заключена». Этими приемами достигается динамичность высказывания. В русском переводе вместо опущенных слов в некоторых случаях можно поставить двоеточие

или тире. В конце отрывка одна и та же мысль повторяется в синонимических выражениях, чем достигается большее лексическое наполнение темы высказывания. Эти риторические приемы направлены как бы на стирание прямого смысла высказывания и имеют целью прежде всего эмоциональное воздействие на слушателя или читателя, внушение ему нужных шейху мыслей.

В заключение следует отметить, что неизвестные до сих пор рукописные трактаты Мухаммада аш-Шурунбабили интересны тем, что дают представление о распространении учения Ибн 'Араби, о той оживленной полемике, которая велась вокруг его идей, и о тех многочисленных фольклорных, зачастую аллегорических рассказах и легендах, которые в изобилии возникали вокруг его имени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Габриэли Ф.* Данте и ислам.— Арабская средневековая культура и литература. М., 1978.
2. *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. 1516—1574. М., 1984.
3. *Кныш А. Д.* Мировоззрение Ибн 'Араби.— Религии мира. М., 1984.
4. *Кныш А.* Основные источники для изучения мировоззрения Ибн 'Араби: «Фусус ал-хикам» и «ал-Футухат ал-маккийя». Автореф. канд. дис. ... Л., 1986.
5. *Крачковский И. Ю.* Полвека испанской арабистики.— Избранные сочинения. Т. 5. М.— Л., 1958.
6. *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966.
7. *Шидфар Б. Я.* Андалусская литература. М., 1970.
8. *Абд ал-Мун'им ал-Хифни.* Му'джем мусталахат ас-суфийа. Бейрут, 1980.
9. *Анхель Гонсалес Паленсия.* Тарих ал-фикр ал-андалуси. Пер. Хусейна Муниса. Ал-Кахира, 1955.
10. *Yahia O.* Histoire et classification d'oeuvre d'Ibn 'Arabi. Т. 1—2. Damas, 1964.